ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 46.

М. Я. Феноменовъ.

Русскій патріотизмъ и братство народовъ.

Цѣна 20 коп.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО
Москва, 1917 г.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 46.

М. Я. ФЕНОМЕНОВЪ.

Русскій патріотизмъ и братство народовъ.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
Москва, 1917 г.

МОСКВА — 1917.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Арбатская пл., Филипповскій пер., 11.

Русскій патріотизмъ и братство народовъ.

I.

Въ настоящее время самыя демократическія русскія партіи — партіи соціалистическія — усердно открещиваются отъ патріотизма. Правда, есть и среди соціалъ-демократовъ люди, которые думаютъ, что наша русская демократія, прежде чѣмъ войти, какъ полноправный членъ, въ международную семью демократіи, должна пройти школу здороваго патріотизма. Но такихъ людей мало, и ихъ голоса тонутъ въ шумномъ хорѣ тѣхъ соціалистовъ — мечтателей, для которыхъ братство и миръ народовъ—дѣло завтряшняго дня. Эти мечтатели (они составляютъ значительную часть въ руководящихъ интеллигентскихъ верхахъ всѣхъ русскихъ соціалистическихъ партій) не умѣютъ отличить здороваго естественнаго патріотизма отъ грубаго шовинизма нѣмецкой марки, т.-е, узкаго патріотизма, соединеннаго съ презрѣніемъ къ другимъ народамъ. Имъ кажется, что любить свой народъ и желать независимости для своей

родины непремѣнно значитъ стремиться къ завоеванію и подчиненію другихъ народовъ. Они убѣждены притомъ, что патріотизмъ вообще излишняя и ненужная роскошь. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ говорить о любви къ родинѣ, когда чуть не завтра настанетъ блаженное царство соціализма и родиной для насъ будетъ весь міръ. Оставаясь соціалистомъ, я не принадлежу къ этимъ мечтателямъ. Сторонникъ научнаго соціализма можетъ основываться только на фактахъ, а факты говорятъ, что народы существуютъ, и что національное чувство въ душѣ каждаго народа живетъ. Вѣроятно, далеко еще то время, когда все человѣчество будетъ дѣлиться только на пролетаріевъ и капиталистовъ, и когда классовая борьба будетъ составлять все содержаніе исторической жизни. Теперь рядомъ съ ней мы видимъ борьбу національностей. На нашихъ глазахъ происходитъ гигантская бойня народовъ. Міръ надѣется, что эта бойня будетъ послѣдней. Возможно, что эта надежда оправдается, особенно если всѣ народы, и въ первую очередь славянскіе народы, стонущіе подъ игомъ германизма, получатъ дѣйствительное право на самоопредѣленіе. Но конкурренція между народами не исчезнетъ даже и съ исчезновеніемъ войнъ, она лишь приметъ болѣе мягкія формы. Каждый народъ будетъ стараться проявить въ этой мирной борьбѣ тѣ особенности своего національнаго облика, которыми снабдила его исторія. Народы долго еще будутъ жить, долго будетъ жить и патріотизмъ. И чѣмъ богаче духовная культура народа,

тѣмъ сильнѣе будетъ патріотизмъ этого народа. Такой патріотизмъ, такая любовь къ духовнымъ сокровищамъ національной культуры, не противорѣчитъ ни идеѣ братства народовъ, ни идеаламъ международнаго соціализма. Особенно легко примирить съ этими идеалами нашъ національный русскій патріотизмъ, рѣзко отличающійся отъ грубаго нѣмецкаго шовинизма.

II.

Русское національное самосознаніе впервые сложилось въ Новгородско-Кіевской Руси на рубежѣ XI и XII вѣковъ. Въ эту пору Русь представляла изъ себя рядъ отдѣльныхъ земель-государствъ, связанныхъ единствомъ княжескаго рода въ очень непрочный обще-русскій союзъ. Этотъ союзъ до поры до времени обезпечивалъ національную независимость всего русскаго народа, отъ Дуная до Волги и Ильменя, но онъ не могъ помѣшать опустошительнымъ набѣгамъ кочевниковъ съ юга, и вмѣшательству въ русскія дѣла поляковъ и венгровъ на Западѣ. Подобно древней Греціи, Кіевская Русь не имѣла въ сущности государственнаго единства. Но зато въ ней пышно расцвѣла оригинальная и самобытная русская культура; наиболѣе яркимъ выраженіемъ ея была народная поэзія и литература: русскій народъ обнаружилъ уже тогда свои блестящія литературныя дарованія, и произведенія той эпохи — лѣтописи, путе-

шествія, Слово о Полку Игоревѣ, высоко ставятся не только русскими, но и европейскими историками. Въ литературѣ того времени мы находимъ первое выраженіе національной идеи, первое выраженіе русскаго патріотизма.

Русскій патріотизмъ Кіевскаго періода оригиналенъ и самобытенъ. Въ немъ отражается вся душа великаго и терпѣливаго русскаго народа. Онъ рѣзко отличается отъ узкаго и высокомѣрнаго шовинизма древнихъ римлянъ или современныхъ германцевъ. Русскій горячо любитъ свою родину и трогательно выражаетъ эту любовь. „Русская Земля“ — предметъ неустанныхъ думъ и заботъ для писателей Кіевскаго періода. Главная обязанность князя, по мнѣнію лѣтописца, — „думать-гадать о Русской Землѣ“. Лучшая похвала князю въ его устахъ та, что онъ „былъ добрымъ страдальцемъ за Русскую Землю“. За всѣхъ князей, и бояръ, и христіанъ Русской Земли ставитъ свою лампаду у Гроба Господня игуменъ Даніилъ. За Русскую Землю болѣетъ душой пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ. Любовь къ Русской Землѣ не связывается съ любовью къ личности какого-нибудь князя. Князья могутъ быть хорошими и дурными, ихъ можно любить или не любить, — но Русская Земля стоитъ особо, выше князей, выше отдѣльныхъ лицъ, Русскую Землю не любить нельзя. Пѣвецъ Слова осыпаетъ рѣзкими упреками князей, которые губятъ своими крамолами Русскую Землю и наводятъ на нее поганыхъ половцевъ. Слѣдовательно въ глазахъ

его князья—не хозяева земли, а слуги ея. *Идея отечества стоитъ неизмѣримо выше идеи власти.*

Но любя свою родину, русскій патріотъ остается очень скромнымъ въ оцѣнкѣ самого себя, въ оцѣнкѣ своего народа. Онъ не говоритъ, что русскій народъ—лучшій въ мірѣ народъ. Онъ просто любитъ и свою страну, и свой народъ. Но это не мѣшаетъ ему видѣть собственные недостатки и смѣшныя стороны. Русскій патріотъ-лѣтописецъ—въ противоположность большинству европейскихъ лѣтописцевъ—не прочь пошутить и поиронизировать насчетъ своихъ соотечественниковъ. Припомните всѣмъ извѣстный разсказъ о призваніи князей. „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ". Развѣ это не горькая иронія? Припомните другой тоже извѣстный разсказъ о покореніи болгаръ Владиміромъ. Добрыня, дядя Владиміра, увидѣвъ, что болгары ходятъ въ сапогахъ, говоритъ князю: „Нѣтъ, эти не будутъ давать намъ дани, *поищемъ-ка лучше себѣ лапотниковъ*". Можно ли болѣе ядовито подшутить надъ завоевательными („имперіалистическими") стремленіями князей того времени. Приведу еще одинъ разсказъ, на который историки почему-то мало обращаютъ вниманія. Когда Олегъ прибилъ „свой щитъ на вратахъ Царьграда", греки прислали русскимъ—въ качествѣ дани—много шелковыхъ и полотняныхъ („кропинныхъ") тканей. Побѣдители, очевидно, не зная, что имъ еще сдѣлать, чтобы хорошенько повеличаться и похвастать, рѣшили изъ этихъ тонкихъ тканей сдѣлать паруса. „И поднялся

вѣтеръ,—продолжаетъ свой разсказъ лѣтописецъ,—и разодралъ полотняные паруса". Тогда, добродушно подсмѣиваясь надъ самими собой, сподвижники Олега, сказали: „Не даны суть словѣномъ прѣ кропинныя; имемся своимъ толстиномъ". Это можно на современномъ языкѣ передать такъ: „Куда, ужъ намъ славянамъ, браться за шелковыя паруса; натянемъ-ка свои холстины". Вотъ—проявленіе добродушнаго русскаго юмора. Не всякому дано это умѣніе смѣяться надъ самимъ собой.

Сохраняя скромность въ оцѣнкѣ родного народа, русскій патріотъ отдаетъ должное заслугамъ и достоинствамъ другихъ народовъ. Историки литературы уже отмѣтили, что въ русскихъ лѣтописяхъ чрезвычайно безпристрастно разсказывается о битвахъ. Вотъ вамъ, напримѣръ, разсказъ о битвѣ между Ярославомъ и Болеславомъ Храбрымъ на берегахъ Буга. Враждебныя войска были раздѣлены рѣкой. Воевода Ярослава Будый, разъѣзжая по берегу рѣки, перебранивался съ вождемъ поляковъ, изощряя свое остроуміе. „Иди ка сюда,—говорилъ онъ Болеславу,—мы проткнемъ палкой брюхо твое толстое". Лѣтописецъ, очевидно, не одобряетъ образа дѣйствій русскаго воеводы, такъ какъ послѣ этихъ словъ прибавляетъ: „Болеславъ же былъ толстъ, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ смышленъ". Онъ сказалъ, обращаясь къ полякамъ, что не можетъ перенести такого позора, бросился съ конемъ въ рѣку, дружина за нимъ. Застигнутые врасплохъ русскіе были разбиты. Разсказывая

объ этомъ, лѣтописецъ совсѣмъ не думаетъ оправдывать русскихъ или отрицать находчивость Болеслава. Русскій не боится признавать достоинства даже у своихъ враговъ.

Несмотря на антикатолическую агитацію грековъ, русскіе того времени весьма терпимо относились къ представителямъ католической религіи. Разсказывая о походѣ „нѣмцевъ" на освобожденіе Гроба Господня, южно-русскій лѣтописецъ называетъ этихъ нѣмцевъ святыми и подробно разсказываетъ о чудесахъ, совершавшихся во время смерти крестоносцевъ. Католики-нѣмцы, въ глазахъ православнаго-русскаго, тѣ же христіане.

У русскихъ были, конечно, свои національные враги: половцы, литва. Лѣтописецъ радуется побѣдамъ русскихъ надъ ними, скорбитъ о пораженіяхъ. Но замѣчательно, что даже въ „поганыхъ" половцахъ онъ видитъ человѣка. Какъ разъ въ уста половецкаго хана, загнаннаго русскими за Кавказскія горы, лѣтописецъ вкладываетъ трогательныя слова, взятыя изъ какой-то народной пѣсни: „Да луче есть на своей землѣ умрети, неже на чужѣ славну быти". („Лучше умереть на своей землѣ, нежели быть славнымъ на чужой".)—Заканчивая обзоръ кіевскаго періода, мы можемъ сказать, что патріотизмъ нашихъ предковъ въ XI—XII вѣкахъ былъ проникнутъ тѣмъ духомъ скромности, гуманности и терпимости, которымъ всегда отличался и отличается русскій народъ. Писатели кіевскаго періода, такъ

трогательно и такъ по-русски умѣвшіе любить Русскую Землю, — прямые предшественники представителей новѣйшей русской литературы, проникнутой любовью къ народу и вмѣстѣ духомъ широкой терпимости и гуманности.

III.

Прошли вѣка. Надъ Русью пронеслась гроза татарскаго нашествія. Вытѣсненные съ плодородныхъ мѣстъ южно-русской родины, прижатые къ лѣсамъ и болотамъ сѣвера, въ тяжелой борьбѣ не на жизнь, а на смерть русскіе отстаивали свое право на національное существованіе. Они отстояли это право. Послѣ двухъ съ лишнимъ вѣковъ татарской неволи, они основали независимое и сильное Московское Государство. Но за національную независимость они заплатили дорогой цѣной. Многое было потеряно изъ того культурнаго наслѣдства, которое оставила Московской Руси Русь Кіевская. Исказился, проникся новымъ, несвойственнымъ ему духомъ и русскій патріотизмъ. Князья собиратели Русской Земли, освободившіе страну отъ татарскаго ига, уже тѣмъ самымъ возвысили свой авторитетъ въ глазахъ народа. Когда же они (дѣйствуя отчасти изъ собственныхъ корыстныхъ побужденій) заявили свои наслѣдственныя права на всю русскую землю, они сдѣлались въ глазахъ народа живымъ воплощеніемъ идеи народнаго единства. Послѣ татар-

скаго ига народъ сталъ больше цѣнить національную независимость, чѣмъ мѣстную автономію или политическую свободу. Народъ не видѣлъ ничего дурного въ увеличеніи власти царя. Наоборотъ, чѣмъ выше поднимался царь надъ простыми смертными, тѣмъ выше поднималъ онъ съ собой воплощенную въ немъ національную идею.

„У насъ бѣлый царь надъ царями царь...
Всѣ орды ему поклонилися,
Всѣ народы ему покорилися“,—пѣлъ народъ въ своихъ пѣсняхъ.

Идея самодержавнаго царя (первоначально самодержавіе царя означало независимость его отъ другихъ государей)—стала національной идеей. Не было уже любви къ свободной Русской Землѣ, независимо отъ правителей земли; появилась любовь къ царю, наслѣдственному владѣтелю всей Русской Земли. Русскій патріотизмъ сузился: дѣятельная роль въ дѣлѣ защиты національныхъ интересовъ была предоставлена царю, подданнымъ оставалось лишь подчиняться волѣ царя и заботиться о возвеличеніи его имени ради возвеличенія національной идеи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій патріотизмъ пріобрѣлъ ту нетерпимость и исключительность, которыхъ раньше мы въ немъ не замѣчали. Отрѣзанная отъ культурныхъ центровъ, лишенная возможности пользоваться благами европейской образованности, Московская Русь возвела этотъ печальный историческій фактъ въ своего рода

догматъ вѣры. Своеобразно направленное національное самолюбіе стало лелѣять ту мысль, что русскимъ вовсе и не нужно никакое общеніе съ Западомъ, такъ какъ они обладаютъ лучшей религіей и лучшимъ политическимъ устройствомъ. „Москва—третій Римъ, а четвертому не бывать", —таковъ былъ конечный выводъ, къ которому пришли московскіе патріоты. Добродушный патріотизмъ кіевскаго періода смѣнился московскимъ самодовольнымъ шовинизмомъ. Однако этотъ шовинизмъ носилъ больше придворный характеръ и не былъ выраженіемъ настроенія широкихъ народныхъ массъ.

Русскій народъ оставался тѣмъ же миролюбивымъ и терпимымъ народомъ, какимъ былъ въ кіевскомъ періодѣ. Онъ вставалъ въ случаѣ нападенія враговъ на защиту своей религіи и національности, но онъ не стремился къ захватамъ чужого. Кромѣ оборонительныхъ войнъ, русскій народъ живо сочувствовалъ лишь войнамъ освободительнымъ. Русскій народъ зналъ по опыту, что значитъ чужеземное иго, и онъ чутко относился къ страданіямъ своихъ братьевъ-славянъ подъ игомъ турокъ. Русскій народъ привыкъ считать своимъ назначеніемъ освобожденіе славянъ. Онъ въ душѣ всегда стоялъ за тѣ права малыхъ народовъ, во имя которыхъ началась настоящая война. Между тѣмъ, русскому народу приходилось участвовать во всѣхъ войнахъ, которыя вело самодержавіе. А послѣднее вело корыстную и захватную политику, которая часто была совсѣмъ не въ интересахъ русскаго народа. Яркимъ

примѣромъ такой своекорыстной и близорукой политики было вмѣшательство въ дѣла Китая и Кореи, приведшее къ несчастной Русско-Японской войнѣ. Эта война ясно показала народу, что самодержавіе вовсе не всегда защищаетъ національные русскіе интересы. Русско-Японская война нанесла монархическому патріотизму первый ударъ. Въ народѣ возникло сомнѣніе въ справедливости вѣкового взгляда на царя, какъ на защитника русскаго народа. Если бы царь любилъ свой народъ, развѣ онъ вовлекъ бы его въ тяжелую войну ради выгодъ немногихъ лицъ? Но все же вѣра въ царя была только поколеблена, а не уничтожена. Большинство народа во время революціи 1905 г. осталось въ сторонѣ, не поддержало тѣхъ, кто боролся съ самодержавіемъ, и тѣмъ самымъ поддержало самодержавіе. Царская власть послѣ революціи 1905 года просуществовала еще 11 лѣтъ, значитъ монархистовъ въ народѣ еще было много.

IV.

Послѣдній ударъ вѣковой вѣрѣ въ царя нанесла настоящая война. Это — не Русско-Японская война. Это — война освободительная.

У насъ часто говорятъ, что эта война результатъ завоевательныхъ стремленій капиталистовъ всѣхъ странъ. Это глубокое заблужденіе. Капиталистическія государства (Англія, Америка) всегда не прочь захватить то, что „плохо лежитъ"; не прочь начать войну съ слабымъ сосѣдомъ или присвоить себѣ богатыя земли, населенныя дикарями. Но на серьезныя и тяжелыя войны съ могущественными государствами капиталистическое государство не пойдетъ, такъ какъ капиталу для его операцій нуженъ миръ. Германія же стала самой воинственной страной Европы не потому, что въ ней развился капитализмъ, а потому что въ ней рядомъ съ капитализмомъ существуетъ устарѣлый полусамодержавный государственный порядокъ. Въ Германіи правятъ страной не только капиталисты, но особенно воинственные бароны съ Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ во главѣ. Вотъ почему Германія не только старалась

захватить то, что „плохо лежитъ", но и зажгла пожаръ міровой войны. Своеобразное соединеніе развитаго капитализма съ устарѣлымъ политическимъ строемъ сдѣлало Германію самой воинственной страной въ мірѣ, такой страной, которая всегда грозила и грозитъ свободѣ европейскихъ народовъ. Отвѣтственность за начало войны всецѣло лежитъ на Германіи и ея союзницѣ—Австріи.

Германцы и австрійцы стремились подчинить себѣ всѣ мелкіе славянскіе народы и поставить въ тяжелую зависимость отъ себя нашу родину—Россію. Россія и союзники выступили въ защиту малыхъ народовъ, начали борьбу противъ стремленія Германіи пріобрѣсти власть надъ всѣмъ міромъ. Такую войну надо было вести энергично, съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Между тѣмъ, въ рядахъ самодержавнаго правительства съ самаго начала появилась измѣна. Измѣна была въ самомъ царскомъ дворцѣ. Благодаря измѣнѣ и неподготовленности къ войнѣ мы потерпѣли страшныя пораженія. Когда же наша армія стала оправляться отъ пораженій, самодержавіе начало думать объ отдѣльномъ мирѣ съ Германіей. Царь вмѣстѣ съ своими министрами измѣнилъ народу, и народъ отвернулся отъ царя. Народъ чтилъ царя, какъ земного бога, пока вѣрилъ, что царь всегда защищаетъ отечество. Теперь царь предалъ отечество, и всѣ, кто любитъ родину, возстали противъ него. Исчезъ монархическій патріотизмъ, сложившійся въ Московскомъ государствѣ. Народъ продолжалъ любить

свою родину, свое отечество, но уже пересталъ рядомъ съ отечествомъ ставить царя. Вмѣстѣ съ монархизмомъ исчезъ и тотъ духъ узости и нетерпимости, которымъ отличался московскій казенный патріотизмъ. Открылась дорога для того добродушнаго и великодушнаго, чисто русскаго патріотизма, который мы видѣли еще въ Кіевской Руси. Этотъ здоровый русскій патріотизмъ давно уже началъ складываться въ образованномъ русскомъ обществѣ, онъ давно велъ борьбу съ московскимъ шовинизмомъ. Но до поры до времени, пока званіе патріотовъ было присвоено себѣ сторонниками самодержавія, настоящіе русскіе патріоты стыдились называть себя патріотами. Они были извѣстны подъ другими именами. Всѣ народники, революціонеры, соціалисты были настоящими патріотами, людьми, любящими свою родину и свой народъ.

Образованное русское общество раньше, чѣмъ весь народъ, отвернулось отъ самодержавія, оно вело съ нимъ борьбу больше 100 лѣтъ. Оно давно отвернулось и отъ казеннаго монархическаго патріотизма. Но любовь къ своей родинѣ и своему народу продолжала ярко горѣть въ душѣ лучшихъ русскихъ людей. Какое же значеніе придавали они русскому народу? Какую роль долженъ онъ играть въ исторіи? Мечтали ли они о покореніи всего міра, какъ древніе римляне и современные германцы? Нѣтъ. „Слава, купленная кровью", не вызывала восторга въ душѣ русскаго поэта. Русскіе патріоты мечтали о томъ, что русскій народъ принесетъ

всѣмъ народамъ не ярмо рабства, а вѣсть мира, свободы и счастья. Еще славянофилы думали, что великій русскій народъ, народъ-страдалецъ, много вынесшій на своемъ трудномъ историческомъ пути, научитъ другіе народы воплощать въ жизнь идеалы истиннаго христіанства, идеалы мира и любви. Позднѣе народники, видѣвшіе въ русской земельной общинѣ зародышъ соціализма, который долженъ притти на смѣну несправедливой частной собственности, начали мечтать о томъ, что русскій народъ первый покажетъ другимъ народамъ путь въ свѣтлое царство свободы, равенства и братства.

V.

Патріотизмъ — чувство свободнаго гражданина, равнодушіе къ судьбамъ родины—чувство раба. Не разъ случалось въ исторіи, что послѣ сверженія самодержавной власти огонь патріотическаго воодушевленія охватывалъ освобожденный народъ. Такъ было во Франціи въ 1789 году, такъ было тамъ же въ 1871 году. Такъ должно быть у насъ и, несомнѣнно, такъ будетъ у насъ. Когда весь народъ почувствуетъ и сознаетъ, что онъ сталъ хозяиномъ Россіи, у него вспыхнетъ яркимъ пламенемъ любовь къ великой Россіи, у него загорится страстное желаніе беречь свободу родной земли и защищать ее отъ всякихъ вражескихъ покушеній.

Но пока этотъ новый революціонный патріотизмъ у насъ не проникъ въ сознаніе широкихъ массъ. Случилось это по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, нашъ народъ миролюбивъ, да, кромѣ того, онъ усталъ отъ этой тяжкой войны, которая, благодаря измѣнамъ и нераспорядительности слугъ самодержавія, поглотила неизмѣримое количество средствъ и унесла безконечно много жизней.

Во-вторыхъ, значительная часть нашей революціонной интеллигенціи, которая открещивалась отъ монархическаго патріотизма при самодержавіи, и теперь— при новыхъ условіяхъ — продолжаетъ патріотизма стыдиться. То и другое отразилось на отношеніи русскаго общества къ войнѣ.

Соціалистическія партіи всего міра давно высказались противъ войны наступательной, но войну оборонительную, войну для защиты своей свободы соціалисты всегда считали законной и необходимой. Поэтому и англійскіе, и французскіе соціалисты считаютъ не только своимъ правомъ, но и своей обязанностью рѣшительно бороться съ завоевательными стремленіями Германіи („съ германскимъ милитаризмомъ“). Русскіе соціалисты при самодержавіи такъ ненавидѣли свое правительство, что считали его главнымъ виновникомъ войны. Нѣмцы говорили, что не Германія вызвала войну, а Россія. Многіе русскіе соціалисты повторяли то же самое. Были и такіе, которые прямо желали пораженія Россіи въ этой войнѣ. Такъ было при самодержавіи, и тогда такое настроеніе русскихъ соціалистовъ было понятно. Они считали самодержавіе болѣе злымъ врагомъ Россіи, чѣмъ Германію. Пожалуй, они были почти правы.

Но вотъ самодержавіе пало. Перемѣнили ли свой взглядъ на войну русскіе соціалисты? Не сразу и не всѣ. Немедленно послѣ паденія самодержавія русскія соціалистическія партіи направили всю энергію на то,

чтобы направить внѣшнюю политику по другому пути. Самодержавіе стремилось къ захватамъ. Но для русскаго народа не нужны завоеванія, поэтому освобожденная Россія должна торжественно отказаться отъ всякихъ завоеваній.

На эту точку зрѣнія съ первыхъ же шаговъ сталъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Онъ сталъ требовать „мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ". Требованіе свободы для всѣхъ народовъ—высокое требованіе, и истинные русскіе патріоты всегда желали, чтобы Россія послужила дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ. Можно поэтому сказать, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ руководился чувствомъ истинно русскаго великодушнаго патріотизма, когда издалъ извѣстное воззваніе къ народамъ. Онъ захотѣлъ, чтобы русскому народу принадлежала честь положить начало дѣйствительному братству народовъ, то есть пошелъ по тому же пути, по которому шли истинные русскіе патріоты стараго времени—славянофилы и народники.

Но, издавая воззваніе къ народамъ, многіе изъ его авторовъ забыли, что, кромѣ „братства народовъ", есть еще и „отечество"; забыли, что нѣмцы не на шутку грозятъ его свободѣ. Нѣкоторыя соціалистическія группы какъ бы забыли, что самодержавіе уже пало, и продолжали говорить то, что говорилось до паденія самодержавія. Въ нашихъ рядахъ, въ рядахъ соціалистической интеллигенціи, нашлись люди, которые,

забывъ о священной обязанности защищать родину стали говорить вообще противъ войны, стали сѣять рознь между нами и союзниками, стали звать къ братанію съ нѣмцами. Къ счастью, эти люди („большевики") все больше и больше теряютъ вліяніе. Но они уже сдѣлали свое „злое" дѣло.

Когда среди нашего миролюбиваго, уставшаго отъ войны народа раздались эти необдуманные призывы къ немедленному миру, они нашли для себя благородную почву. Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что можно легко и скоро прійти къ миру. Хотѣлось вѣрить, и вѣрили. Вѣрили, что нѣмецкій народъ не хочетъ войны, вѣрили, что непосредственное братанье съ нѣмцами приведетъ къ общему миру. Не вспоминали объ отечествѣ такъ какъ легкомысленно вѣрили, что его свободѣ уже никто не угрожаетъ. У насъ врагомъ захвачено 16 губерній, а мы легкомысленно утверждаемъ, что главное препятствіе къ миру не въ завоевательныхъ стремленіяхъ нѣмцевъ, а въ желаніи нашего Временнаго Правительства что-то у нѣмцевъ завоевать. Стоитъ его заставить рѣшительно отказаться отъ завоеваній—и наступитъ миръ. Подъ вліяніемъ агитаціи большевиковъ народъ сталъ вѣрить въ чудо. Но чудо не совершилось.

Временное Правительство отказалось отъ всякихъ завоеваній—однако война не прекратилась, такъ какъ нѣмцы-то не хотѣли отъ своихъ плановъ отказаться. Они, правда, прекратили начатое наступленіе на нашемъ

фронтѣ, но сдѣлали это только для того, чтобы еще больше одурачить насъ. Пользуясь тѣмъ, что мы не наступаемъ, они обрушились всѣми силами на англичанъ и французовъ, чтобы, разбивъ ихъ, снова ударить на насъ.

Тогда у вождей нашей демократіи открылись глаза, и они поняли, что одни слова безсильны. Отъ словъ надо перейти къ дѣлу, такъ какъ „человѣка безсильнаго никто не уважаетъ, ни друзья, ни враги“ [1]). Русская демократія провозгласила великій принципъ свободы, равенства и братства народовъ. Освобожденіе народовъ—историческая задача великаго русскаго народа. И русскій патріотъ—сторонникъ братства народовъ. Но русскій патріотъ не можетъ не желать свободы и независимости для своей страны. Онъ не можетъ не желать, чтобы Россія пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и имѣла свое мѣсто на землѣ. Для русскаго патріота было глубокимъ оскорбленіемъ то равнодушіе, съ которымъ нѣмецкая демократія встрѣтила „воззваніе къ народамъ“.

Чувство обиды за русскій народъ поднялось въ душѣ каждаго русскаго, въ душѣ каждаго истиннаго демократа, каждаго соціалиста. Стало ясно для всѣхъ, что на великодушный призывъ могутъ отвѣтить предательскимъ ударомъ въ спину. И настроеніе вліятельныхъ вождей русской демократіи измѣнилось. Увидѣли, какую страшную опасность для нашей свободы представляетъ развалъ на фронтѣ, и стали меньше довѣрять германцамъ. Проснулся вмѣстѣ съ тѣмъ революціонный обновленный русскій патріотизмъ, который является необходимой ступенью на пути къ братству народовъ. Идеи французской революціи покорили міръ не только потому, что онѣ были высоки, но и потому, что на защиту ихъ и для распространенія ихъ всталъ энергичный и храбрый народъ. Идея братства народовъ—великая идея, но бросая ее надо имѣть въ душѣ великую рѣшимость защищать эту идею грудью. Русскій народъ не исполнилъ бы своего великаго назначенія, если бы не завоевалъ теперь — въ дни своего возрожденія—прочной свободы для себя и другихъ.

[1]) Изъ рѣчи Керенскаго на Съѣздѣ делегатовъ фронта.

Послѣ знаменательныхъ рѣчей Керенскаго и Церетелли на съѣздѣ делегатовъ фронта и послѣ обращенія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ къ арміи мы вступили на новый путь. Мы слили здоровый русскій патріотизмъ съ дѣйствительнымъ стремленіемъ къ братству народовъ.

Какъ же намъ дальше идти по этому пути?

VI.

Прежде всего надо ясно, безъ всякихъ замалчиваній опредѣлить, какой миръ дастъ всѣмъ народамъ свободу, т. е. надо подробно разъяснить выставленное революціонной демократіей требованіе: „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ". При этомъ не надо забывать о справедливыхъ требованіяхъ каждаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ посмотримъ при какихъ условіяхъ можетъ совершиться полное освобожденіе народовъ? Всѣ соціалистическія партіи союзныхъ съ нами государствъ, всѣ соціалистическія партіи Россіи требуютъ, чтобы миръ былъ заключенъ на основѣ полнаго самоопредѣленія народовъ безъ насильственнаго захвата территоріи одного народа другимъ.

Это значитъ, что всѣ, главнымъ образомъ, славянскіе народы, подчиненные австрійскому императору, могутъ если хотятъ, остаться подъ его властью, но могутъ и и образовать самостоятельныя государства (Венгрія, Чехія) или присоединиться къ сосѣднимъ государствамъ (западная Галиція къ Польшѣ; восточная до р. Сана къ южно-русской Украйнѣ; Боснія и Герцоговина къ Сербіи; Трансильванія къ Румыніи и т. д.). Точно также познанскіе поляки, подчиненные германскому императору, должны имѣть право, если захотятъ, присоединиться къ Польшѣ; Эльзасъ-Лотарингцы къ Франціи. Сами нѣмцы должны имѣть право рѣшить, желаютъ ли они подчиняться двумъ императорамъ, или же имъ лучше свергнуть обоихъ и образовать единую свободную германскую республику, чтобы и самимъ пользоваться свободой и другимъ народамъ дать ее. Конечно не только тѣ народы, которые подчинены Германіи и Австріи должны получить свободу. Если среди народовъ, подчиненныхъ Англіи, Франціи и Италіи окажутся такіе, которые давно стремятся къ независимости, соціалисты всѣхъ странъ должны настойчиво требовать для нихъ право на самоопредѣленіе. (Ирландія, Индія, Трансваль, Алжиръ, Триполи).

Вотъ что значитъ полное самоопредѣленіе народовъ. Каждый русскій патріотъ долженъ желать его, потому что оно означаетъ освобожденіе отъ чужеземнаго ига нашихъ братьевъ-славянъ, потому еще, что оно дастъ возможность оторванной отъ русскаго народа части рускаго племени — галичанамъ—присоединиться къ его братьямъ—русскимъ-украинцамъ.

Наши французскіе и англійскіе товарищи не боятся быть патріотами. Они знаютъ, что войти въ семью народовъ можно только имѣя свое собственное лицо. Они поддерживаютъ законныя требованія своего народа. И это хорошо, т. к. только удовлетвореніе всѣхъ законныхъ требованій народовъ можетъ способствовать уста-

новленію прочнаго мира между ними. Французскіе соціалисты помнятъ, что Эльзасъ и Лотарингія захвачены Германіей силой, — и они требуютъ для Эльзаса и Лотарингіи полнаго права на самоопредѣленіе, надѣясь, что Эльзасъ и Лотарингія пожелаютъ присоединиться къ Франціи.

А развѣ у насъ русскихъ соціалистовъ нѣтъ своихъ національныхъ требованій? Развѣ восточная Галиція не является составной частью южной Россіи? Развѣ Холмщина въ случаѣ полной независимости Польши не должна получить право присоединиться къ Украйнѣ. Мы — соціалисты — должны помнить объ этомъ и напоминать другимъ, такъ какъ мы должны заботиться объ устраненіи всякихъ поводовъ къ національной враждѣ въ будущемъ. Галиція и Холмщина должны имѣть право на самоопредѣленіе, иначе украинскій вопросъ можетъ обострится и нарушить миръ народовъ. Но требуя для русскаго народа полнаго права на самоопредѣленіе, мы — соціалисты — признаемъ это право и за другими: румыны могутъ требовать его для Бессарабіи, поляки могутъ основать самостоятельное государство, не связывая себя „военнымъ союзомъ“ съ Россіей.

Не будемъ забывать, что современная Европа еще не рѣшила справедливо національнаго вопроса. Есть народы, которые хотѣли бы быть вполнѣ самостоятельными, но которыхъ силой подчиняютъ себѣ нѣмецкіе государи. Поэтому національный вопросъ—вопросъ ны-

нѣшняго дня. Съ нимъ надо покончить, чтобы создать почву для сближенія между народами.

Если мы, соціалисты, будемъ отдавать себѣ отчетъ въ важности національнаго вопроса, если мы перестанемъ открещиваться отъ патріотизма и возьмемъ на себя защиту справедливыхъ требованій русскаго народа, мы избѣжимъ многихъ ошибокъ.

Рабочій классъ — часть народа, и для русскаго рабочаго класса судьбы Россіи и русскаго народа не безразличны. Россія должна защищать отъ несломленнаго еще германскаго имперіализма и милитаризма не только свою политическую свободу, но и свою хозяйственную независимость. Для нашего рабочаго совсѣмъ не безразлично, разовьется ли у насъ своя промышленность или мы будемъ представлять рынокъ для германской торговли. Не безразлично и то, будемъ ли мы имѣть для своей торговли свободный, находящійся подъ защитой всѣхъ державъ выходъ въ Средиземное море, или же попрежнему этотъ выходъ („проливы“) будетъ запираться по произволу одного государст[illegible]. Рѣзкій скачекъ въ царство соціализма невозможенъ. Надо еще пройти путь капиталистическаго развитія. Всѣ, въ томъ числѣ и рабочіе, заинтересованы въ нормальномъ, ничѣмъ не задержанномъ ходѣ этого развитія. Россія должна стать страной независимой и страной богатой. И забота объ этомъ лежитъ не на одной буржуазіи, а также на рабочемъ классѣ и его представителяхъ соціалистахъ. Защищая свободу Россіи и ея

будущее, всѣ граждане Россiи должны объединиться въ одномъ чувствѣ патрiотизма.

Опредѣленiе справедливыхъ требованiй каждаго народа — первый шагъ на пути къ прочному миру, на основѣ братства всѣхъ народовъ. Для опредѣленiя условiй будущаго мира можетъ принести пользу международная конференцiя соцiалистовъ. Но нельзя возлагать на нее преувеличенныхъ надеждъ. Надо помнить, что дѣло мира зависитъ теперь не отъ поведенiя русской демократiи или русской буржуазiи, а отъ поведенiя нѣмецкой демократiи. Для „мирнаго" достиженiя мира на основѣ самоопредѣленiя народовъ надо, прежде всего, чтобы нѣмецкая демократiя признала право всѣхъ народовъ на самоопредѣленiе; надо далѣе, чтобы она имѣла силу свергнуть своихъ императоровъ. Если даже по вопросу о самоопредѣленiи народовъ нѣмецкiе соцiалъ-демократы окажутся въ полномъ согласiи съ нами, то этого мало, надо еще, чтобы они свергли монархiю. Пока на это надежды нѣтъ.

Достигнуть прочнаго мира будетъ не такъ-то легко Два пути ведутъ къ нему. Одинъ — мирный, и русскiй народъ, какъ народъ миролюбивый, уже указалъ на него. Нѣмцы, если они признаютъ самоопредѣленiе народовъ, должны свергнуть своихъ императоровъ — германскаго и австрiйскаго — и образовать единую свободную германскую республику, давъ въ то же время полную свободу подчиненнымъ имъ народамъ. Когда это случится, тогда и только тогда можно будетъ ска-

зать, что германскiй трудовой народъ пожалъ руку, протянутую ему русскимъ трудовымъ народомъ. Но пока объ этомъ говорить рано. Даже германскiе соцiалисты не считаютъ возможнымъ бороться съ своей воинственной монархiей. Германiя стоитъ во всеоружiи; штыки Вильгельма угрожаютъ нашей свободѣ. Пока намъ остается другой путь—онъ болѣе тяжелъ. Но мы должны итти по этому пути, пока германцы поддерживаютъ своихъ императоровъ. *Этотъ путь—война до сокрушенiя германскаго милитаризма.* Когда военныя силы кайзера будутъ сломлены, когда союзники „окружатъ Германiю желѣзнымъ кольцомъ" (слова Церетелли), тогда германскiй народъ отвернется отъ Вильгельма подобно французамъ, отвернувшимся отъ разбитаго союзниками Наполеона въ 1814 году. У германскаго народа откроются глаза, какъ открылись они недавно у русскаго народа. Германскiй народъ пойметъ, что кайзеръ велъ его къ гибели, и позорно низвергнетъ его. Вмѣстѣ съ кайзеромъ падетъ германскiй милитаризмъ и германскiй шовинизмъ. Германцы перестанутъ думать, что они лучшiй въ мiрѣ народъ и что они призваны Богомъ покорить весь мiръ. Они перестанутъ думать о завоеванiи и будутъ довольствоваться любовью къ своему народу, къ своей наукѣ, своему искусству.

Тогда осуществится мечта, которую лелѣяли въ своей думѣ всѣ лучшiе люди Россiи, истинные русскiе патрiоты. Великiй и скромный русскiй народъ, народъ-

страдалецъ, своими страданіями, своими безчисленными жертвами, своей кровью завоюетъ свободу не только себѣ, но и всему міру. Освободивъ вмѣстѣ съ своими союзниками міръ отъ германскаго милитаризма и шовинизма, онъ положитъ начало дѣйствительному братству народовъ, онъ принесетъ вѣсть свободы своимъ братьямъ - славянамъ.

Подымемъ же смѣло знамя революціоннаго патріотизма. Провозгласивъ великую идею освобожденія всѣхъ народовъ отъ гнета, будемъ имѣть рѣшимость поддержать наше требованіе силой оружія. Освобожденная Россія должна помочь освобожденію всего міра. Раньше русскій народъ приносилъ много ненужныхъ жертвъ для своей и чужихъ династій, теперь всѣ, понесенныя имъ жертвы, послужатъ великому дѣлу освобожденія народовъ.

Май, 1917 г.
